

ЯЗЫКОВАЯ ДЕВИАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА

Нурсултан Маханбет улы ДЖУСУПОВ

Доктор филологических наук (DSc)

Кафедра лингвистики и английской литературы

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

ЛИСОНИЙ ДЕВИАЦИЯ ШАҲСНИНГ ЛИНГВОКРЕАТИВ МАҲСУЛИ СИФАТИДА

Нурсултан Маханбет улы ДЖУСУПОВ

Филология фанлари доктори (DSc)

Лингвистика ва инглиз адабиёти кафедраси

Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети, Тошкент, Ўзбекистон

LINGUISTIC DEVIATION AS A RESULT OF THE LINGUOCREATIVE ACTIVITY OF THE INDIVIDUAL

Nursultan Mahanbet uly DZHUSUPOV

Doctor of Sciences in Philology (DSc)

The Department of Linguistics and English Literature

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan

nursultan79@mail.ru

UDC (УЎК, УДК): 811:111'38

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Джусупов Н. М. Языковая девиация как результат лингвокреативной деятельности индивида // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2021. — № 3 (38). — С. 317-326.

<https://doi.org/10.36078/1627367985>

Received: May 11, 2021

Accepted: June 17, 2021

Published: June 20, 2021

Copyright © 2021 by author(s).

Аннотация. В статье языковая девиация рассматривается в качестве особого конструктивного явления, продукта лингвокреативной деятельности индивида. Языковая девиация обладает разнообразной серией отличительных признаков, которые определяют ее конструктивное начало, художественно-эстетическое своеобразие, селективный характер восприятия, особый лингвокреативный потенциал и сложную функциональную специфику. Салиентность (выделенность) является ключевым свойством языковой девиации, так как определяет ее стилистический статус в качестве основного типа выдвижения. Языковая девиантность определяет избирательность восприятия, обеспечивает выдвижение на первый план аттрактивности языковой структуры на фоне языковых норм, речевых стандартов и художественных традиций. Особый статус языковых девиаций как средств выдвижения в рамках художественного текста обусловлен целым рядом ключевых факторов. Во-первых, это конструктивная и эстетическая направленность примеров языковой девиации. Во-вторых, признание языковой девиации в качестве основного типа выдвижения, что принципиально важно для проведения

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

собственно лингвостилистических исследований. В-третьих, их функциональная нагруженность в тексте. В-четвертых, выделение «поэтики девиаций» как системы, генерирующей новые явления и каноны поэтического языка.

Ключевые слова: языковая девиация; лингвокреативный процесс; стилистика; языковая норма; эксплицитные признаки; имплицитные признаки.

Аннотация. Мақолада лисоний девиация конструктив ходиса ҳамда шахснинг (сўзловчининг) лингвокреатив фаолияти маҳсули сифатида ўрганилади. Лисоний девиация конструктив бошланмасини, бадий-эстетик ўзига хослигини, қабул қилишнинг селектив характери, ўзига хос лингвокреатив имконияти ва мураккаб функционал ўзига хослигини кўрсатувчи қатор фарқли белгилар билан ажралиб туради. Салиентлик (ажратилганлик) лисоний девиациянинг энг муҳим хусусияти бўлиб, жумладан, у илгари суришнинг бир тури сифатида унинг стилистик мавқеини белгилайди. Айнан лисоний девиантлик қабул қилишнинг селективлигини шарт ва зарур қилиб қўяди ҳамда мавжуд лисоний меъёрлар, нутқий стандартлар ва бадий анъаналар фонида лисоний структура аномаллиги ва аттрактивлигида илгари суриш муҳимлигини таъминлайди. Бадий матн доирасида илгари суриш воситаси сифатида лисоний девиациянинг алоҳида мақоми бир қатор асосий омилларга боғлиқ. Биринчидан, бу лингвистик девиацияларнинг конструктив ва эстетик йўналтирилганлиги. Иккинчидан, илгари суришнинг асосий тури сифатида лингвистик девиацияни тан олиш, бу лингвостилистик тадқиқотлар ўтказиш учун жуда муҳимдир. Учунчидан, уларнинг матндаги функционал моҳияти. Тўртинчидан, “девиациялар поетикасини” шеърини тилнинг янги ходисалари ва қонунларини яратадиган тизим сифатида ажратиш.

Калит сўзлар: лисоний девиация; лингвокреатив жараён; стилистика; тил нормаси; эксплицит хусусиятлар; имплицит хусусиятлар.

Abstract. The article concentrates on the linguistic deviation as an intentional constructive phenomenon and a product of linguo-creative activity of a person. Linguistic deviation has a number of distinctive features that determine its constructive character, artistic and aesthetic originality, selective perception, special linguistic creative potential and complex functional specificity. Saliency (prominence) is a key property of linguistic deviation, as it determines its stylistic status as the main type of foregrounding. Linguistic deviation determines the selectivity of perception, ensures the highlighting of the attractiveness of the linguistic structure against the background of linguistic norms, speech standards and artistic traditions. The special status of linguistic deviations as foregrounding devices within the framework of a literary text is due to a number of key factors. First, it is the constructive and aesthetic orientation of linguistic deviations. Secondly, the recognition of linguistic deviation as the main type of foregrounding, which is fundamentally important for carrying out proper linguostylistic research. Thirdly, their functional load in the text. Finally, the identification of the “poetics of deviations” as a system that generates new phenomena and canons of poetic language.

Keywords: linguistic deviation; linguo-creative process; stylistics; linguistic norm; explicit features; implicit features.

Специальное обращение к явлению языковой девиантности (аномальности) как общелингвистической, так и собственно стилистической проблеме заслуживает особого внимания в силу целого ряда объективных причин.

Во-первых, языковая девиантность является результатом противопоставления нормы и «антинормы» (отклонения от нормы). Другими словами, языковая девиация представляет собой явление амбивалентного характера (как деструктивное, так и конструктивное), возникающее на основе нарушения норм языка. В итоге данное положение позволяет рассматривать языковую девиацию как фигуру, выдвигающуюся на передний план на фоне общей системы канонов и правил языка. Во-вторых, само отклонение от нормы (девиация, аномализация) проявляется в двух ипостасях: как спонтанное явление ненамеренного характера и как осознанное явление намеренного характера, реализованное в результате лингвокреативной деятельности индивида. В-третьих, отклонение от языковых канонов представляет собой сложный многоплановый процесс, который порождает новые явления, свойства и смыслы, что в конечном итоге раскрывает скрытые ресурсы и возможности языка, его креативный потенциал. В-четвертых, языковая девиация как средство выдвижения в тексте непосредственно связана с проблемами восприятия и распределения внимания. Избирательность восприятия и внимание как основная часть когнитивной системы (см.: 1) определяют специфику процесса выдвижения, которое выражается в преимущественной фиксации именно девиантных (аномальных) языковых форм, нежели нормативных. В-пятых, когнитивно-стилистическая природа языковой девиантности как неотъемлемого свойства художественного текста определяется реализацией различных языковых механизмов, когнитивных принципов, процессов и структур знания, а также активным генерированием концептуальных смыслов и функциональных особенностей.

Термины «аномалия» и «девиация» (соответственно «аномальность» и «девиантность») как «отклонение от языковой нормы» в лингвистической литературе используются синонимично, в зависимости от устоявшихся традиций и предпочтений исследователей. Однако при сопоставлении англоязычных и русскоязычных исследований становятся очевидными некоторые различия в функционировании данных терминов в плане их частотности и отраслевой принадлежности. Как показывает обзор литературы, термин “deviation” («девиация») в англоязычных работах, в частности в области стилистики (18; 19), является более употребительным, тогда как в русскоязычной литературе доминантным выступает родовой термин «аномалия». Термин «девиация» в русскоязычных исследованиях употребляется фрагментарно, в основном в качестве синонима родового термина «аномалия». В англоязычной научной практике широкое применение термина “deviation” (19) восходит к работам Пражской школы, посвященным изучению вопросов литературного языка, языковой нормы и явлению выдвижения (остранения).

В нашей работе мы делаем выбор в пользу термина «девиация», несмотря на то что в русскоязычной лингвистической литературе он не так широко употребляется, как термин «аномалия». Такой выбор обосновывается рядом существенно важных, на наш взгляд, теоретических и практических положений. Прежде всего мы исходим из доминантности

использования термина «девиация» в стилистических исследованиях по теории выдвигания, в частности в работах Дж. Лича, М. Шорта и др. Вместе с тем в нашем исследовании при рассмотрении языковых девиаций как средств выдвигания мы во многом руководствуемся теоретическими взглядами и идеями Дж. Лича и М. Шорта. Классификация типов выдвигания (языковые девиации и параллелизмы), разработанная Дж. Личем, на сегодняшний день является общепризнанной и по праву служит отправной точкой для большого числа лингвистических исследований стилистического явления выдвигания. Согласно нашим наблюдениям, термин «аномалия» в англоязычных и русскоязычных исследованиях главным образом используется при описании семантических и грамматических явлений, тогда как термин «девиация» доминирует в стилистических исследованиях. Следовательно, исходя из специфики дистрибуции терминов и их концептуального содержания, необходимо констатировать, что термин «девиация» является собственно лингвостилистическим термином, обозначающим отклонение от норм языка на всех уровнях его реализации. Это обстоятельство во многом определяет наш выбор данного термина в качестве родового для нашего исследования.

“Anomaly” («аномалия») в стилистическом словаре “A Dictionary of Stylistics” (2001) К.Уэльс определяется, как термин, включающий все виды семантической несовместимости или противоположности (19, 21). В словаре по семантике и прагматике “Glossary of Semantics and Pragmatics” (2006) аномалия трактуется в исключительно семантическом ключе (semantic anomaly) как взаимодействие несовместимых друг с другом значений в составе грамматически правильно сформированного выражения, например, *plastic anxiety* (букв.: *гибкая, пластичная тревога*) от *feeble hypotenuses* (букв.: *слабые гипотенузы*). Вместе с тем отмечается, что аномальные выражения могут быть более аномальными, чем другие. Например, наименее аномальными являются те выражения, в которых аномалия может быть устранена путем замены синонимом: *My favourite cactus passed away while I was on holiday; My favourite cactus died while I was on holiday*. Несколько необычными выступают случаи, в которых аномалия может быть исправлена заменой компонента гиперонимом или гипонимом из той же области (сферы): *I heard a mouse barking; I heard a dog/animal barking*. Самыми необычными из всех возможных аномалий являются примеры, для которых не применим ни один из способов исправления (т.е. устранения аномальности): *feeble hypotenuses*. Все эти три степени аномальности в некоторых случаях обозначаются как “inappropriateness” (несоответствие), “paradox” (парадокс) и “incongruity” (несовместимость) соответственно (17, 13–14).

Как видим, в англоязычной лингвистической литературе термин “anomaly” («аномалия») преимущественно рассматривается в семантическом ключе. В отдельных случаях также отмечается грамматический аспект аномальности главным образом с учетом грамматически правильных и грамматически неправильных языковых структур, выделенных в рамках трансформационной грамматики Н. Хомского.

И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер под языковой аномалией понимают «те случаи отклонений от нормы, для которых достаточно легко предложить стандартный способ выражения в языке» (11, 125). Исходя из этого, авторы не рассматривают в качестве аномалий «те тропы и фигуры речи, для которых сложно восстановить их нормативный прообраз, например, «*Чувства высоко поднимались сердцем и падали по другую*»

сторону его» (11, 125). На наш взгляд, такой подход к пониманию языковых аномалий несколько ограничивает масштабы и глубину исследования данной проблемы и сводится к выявлению лишь формальных показателей без учета глубинных структур, скрытых резервов языка, выявление которых может обеспечить более подробное и адекватное объяснение реализации креативного потенциала языка в речевом контексте.

Языковая аномалия в работе Т.Б. Радбиль понимается в более широком контексте интерпретации и соответственно в объем данного понятия включаются «не только различного рода отклонения в вербализации закономерностей системы языка, но и нарушения в сфере принципов ее речевой реализации и коммуникативно-прагматических условий ее применения, в сфере языковой концептуализации мира и актуализации общих правил построения текста» (15, 60). Подобная трактовка языковой аномалии учитывает целый ряд собственно языковых и внеязыковых конвенций, определяющих реализацию и последующую интерпретацию девиаций в языке и в тексте.

Рассмотрение языковой девиации как ненамеренное и намеренное (специальное) явление (16; 3; 4; 2; 7; 14; 8; 15; 12; 13) обеспечивает возможность выделения прежде всего конструктивной, формирующей креативный потенциал языка особенности. Именно это свойство девиаций часто определяет характер предлагаемых исследователями их дифференциаций. Например, дифференциация девиаций/аномалий на основе намеренности и ненамеренности их образования сводится к установлению истинной цели аномалии. Ю.Д. Апресян выделяет целый ряд возможных типов аномалий: «1) уровневые аномалии (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и т. п.); 2) аномалии степени (совсем неправильно, неправильно, не вполне правильно и т. п.); 3) намеренные аномалии – ненамеренные аномалии; 4) аномалии, возникающие в результате тавтологии – аномалии, возникающие в результате противоречия; и т.п.» (2, 50) и в итоге заключает, что из всех них наиболее важным в содержательном плане является выделение намеренных и ненамеренных аномалий, тогда как все остальные типы «в разной степени существенны для этих двух классов» (2, 51).

Положение о том, что нарушение языковых норм представляет собой сложный многоплановый и полифункциональный процесс, генерирующий новые явления, свойства и смыслы и тем самым раскрывающий скрытые ресурсы и возможности языка, предполагает возможность специального рассмотрения явления девиации с целью выявления множества его эксплицитных и имплицитных признаков. Исходя из обоснования признаков девиантности становится возможным определение различных типов девиантности в зависимости от уровней ее реализации, коммуникативно-прагматических условий, интенциональности использования, когнитивно-концептуальной значимости, характера интерпретации и т.д.

Специальный планомерный анализ целого ряда работ по языковым девиациям/аномалиям позволил нам выделить множество различных свойств и признаков, обусловленных тесным взаимоотношением языковых и внеязыковых факторов: оригинальность, компрессия, экономичность, «концептообразующий» потенциал (“concept-making power”) (18); выделенность, отделенность, информативность, загадочность, опасность, побудительность (побуждение к творению мысли, действию), сводимость и несводимость к стандартной интерпретации (на примере семантических аномальных высказываний) (3); привлечение внимания,

необычность, неожиданность, непредсказуемость, отсутствие шаблонности (19); информативность, конструктивность, эвристичность, функциональная значимость, мирообразующий, стилиобразующий и текстообразующий факторы (на примере аномалий в художественном тексте) (15); конвенциональность/неконвенциональность, успешность/неуспешность использования (на примере семантических и прагмасемантических аномальных высказываний) (9); противоречивость, тавтологичность, бессмысленность (бессмыслица), стилистическая несовместимость (10).

Обусловленность языковой девиации как средства выдвижения в тексте особенностями восприятия и распределения внимания дает убедительные основания для применения когнитивно-стилистического подхода к исследованию явления выдвижения в целом и языковых девиаций в частности. Важность девиации в психологическом плане (16; 3; 8) прежде всего определяется спецификой процесса восприятия, а именно его селективностью. В этой связи актуально мнение о том, что человек по природе своей воспринимает окружающий мир избирательно и в первую очередь замечает аномальные явления в силу их отделенности от среды обитания (3, 4). Это свойство девиантности по сути является первичным и принципиально важным, так как здесь подтверждается ключевой постулат о необходимости и эффективности изучения выдвижения, ярким примером которого служит именно девиация в аспекте когнитивно-стилистического подхода. Вместе с тем, как правило, общее свойство салиентности (выделенности) девиации применительно к языку и тексту непосредственно обнаруживается на фоне множества языковых норм, речевых стандартов, речевой организации и структуры текста, художественных традиций и т.д.

На основании салиентности (выделенности) девиации вытекает следующее, важное как с точки зрения психологического восприятия, так и познания, свойство – информативность. Данное свойство девиации весьма четко и емко описано Н.Д. Арутюновой: «Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном» (3, 4). В применении к сферам языка и текста данное свойство девиантности определяется как собственно когнитивными, так и коммуникативно-прагматическими факторами. Прежде всего это факт выдвижения на первый план активизации различных когнитивных структур, процессов категоризации и концептуализации мира. Второй (коммуникативно-прагматический) фактор информативности языковой девиации обусловлен изначальной намеренностью или ненамеренностью девиации, стилистическим заданием по ее использованию и последующим эффектом воздействия на адресата.

Следующий важный признак языковой девиации, связанный именно с ее информативностью, – имплицитность. Имплицитный характер информации, заложенной в языковой девиации как в средстве выдвижения, служит отправной точкой для активизации целого ряда когнитивных структур и процессов, определяющих сложный и многоплановый характер восприятия и обработки информации. Данное положение также достаточно убедительно подтверждается мыслью Н.Д. Арутюновой о специфике аномалии в целом: «Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» (3, 4). На наш взгляд, этот факт во многом предопределяет возможную имплицитность некоторых

девиаций, так как они служат призывом к действию по отношению к адресату (читателю). Все эти действия в свою очередь активизируют различные когнитивные процессы, направленные на декодирование заложенной информации, обнаружение истинной цели девиации.

Девиация (в данном случае намеренная) как особый лингвокреативный процесс включает определенный порядок последовательных этапов, каждый из которых отличается сложным набором специфических признаков лингвистического и экстралингвистического характера. Вместе с тем особого внимания заслуживает точка зрения Н.Д. Арутюновой, которая подчеркивает именно последовательный характер действия отклонения от нормы и то, что оно «берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» (3, 8). Важность такого подхода заключается в выделении стадии перцепции (восприятию мира) как «пункта отправления» и ее свойства фиксировать прежде всего аномальные явления, которые, как правило, отделены от фона. Постановка проблемы перцепции во главу угла в большей степени обусловлена положениями когнитивной психологии, в центре внимания которой находится изучение процессов восприятия и внимания. В русле когнитивно-стилистического подхода проблема селективности восприятия (см.: 5; 6) является чрезвычайно важной в силу языковой специфичности и многоплановости явления выдвижения. Когнитивно-стилистическая специфика языковых девиаций в художественном тексте определяется реализацией множества различных принципов, языковых и когнитивных механизмов, моделей, концептуальных смыслов и функциональных особенностей.

Согласно Н.Д. Арутюновой, «проблема девиаций встает в применении к следующим сторонам словесного творчества: 1) к отбору материала (эпох, персонажей, ситуаций, хода, событий и пр.), 2) к его обработке (художественному методу), 3) к правилам поэтики, сложившимся в определенной школе, 4) к языку (семантике, словообразованию и синтаксису), 5) к структуре текста (композиции, степени связности и последовательности, принципам монтажа, эксплицитности и т.п.)» (3, 16). Весьма примечательно также положение о том, что художественный текст служит для языковых аномалий «естественной средой обитания», где они утрачивают свой потенциально деструктивный характер и обретают «прагматическую оправданность, функциональную целесообразность и эстетическую значимость» (15, 4).

В этой связи представляется целесообразным обозначить роль художественного текста как «испытательного полигона» для применения языковых девиаций в качестве «целенаправленных индивидуально-авторских экспериментов» для последующего выявления скрытых возможностей языка и его ресурсного потенциала.

В заключение необходимо констатировать особый статус языковых девиаций как средств выдвижения в рамках художественного текста. Во-первых, особый статус девиаций подтверждается, прежде всего, их конструктивной и эстетической направленностью. Во-вторых, статус девиаций определяется их признанием в качестве основного типа выдвижения, что принципиально важно для проведения собственно

лингвостилистических исследований. В-третьих, важность языковых девиаций обусловлена их функциональной нагруженностью. В-четвертых, особенность статуса девиаций можно обосновать выделением так называемой «поэтики девиаций» (по Н.Д. Арутюновой) как системы, генерирующей новые явления и каноны поэтического языка.

Таким образом, языковая девиация представляет собой сложное явление (продукт) индивидуального плана, особый тип выдвижения, обладающий разнообразной серией отличительных признаков, которые определяют его конструктивное начало, художественно-эстетическое своеобразие, селективный характер восприятия, особый лингвокреативный потенциал и сложную функциональную специфику.

Использованная литература

1. Андерсон Дж. *Когнитивная психология*. – 5 изд. — СПб.: Питер, 2002. — 496 с.
2. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова (1919–1986)* / Под ред. Д.С. Лихачева. — М.; Л.: Наука, 1990. — С. 50–71.
3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. — 1987. — № 3. — С. 3–19.
4. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
5. Ашурова Д.У. // *Преподавание языка и литературы*. — Ташкент, — 1997. — № 1. — 46 – 50.
6. Ашурова Д.У. *Стилистика текста в парадигме когнитивной лингвистики* // *Филология масалалари*. — Ташкент, — 2003. — № 1. — С. 41 – 45.
7. Бегматов Э., Маматов А. *Адабий норма назарияси*. III қисм. Адабий норманинг шаклланиш ва яшаш қонуниятлари. — Тошкент: ЎзР Фанлар Академияси Тилшунослик институти, 1999. — 140 б.
8. Дебрэнн М. *Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: Дис. ... докт. филол. наук*. — Новосибирск, 2006. — 375 с.
9. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. науч. трудов*. — М.: Наука, 1990 — С. 194–203.
10. Кобозева И.М. *Лингвистическая семантика: Учебник*. — 3-е изд. — М.: КомКнига, 2007. — 352 с.
11. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // *Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста: Сб. науч. трудов*. — М.: Наука, 1990. — С. 125–139
12. Козлова Л.А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // *Вестник ИГЛУ*. — 2012. — № 2(18). — С. 121–128.
13. Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. — 2019. — Т. 23. — № 2. — С. 460–472.
14. Нефедова Л.А. *Явление девиации в лексике современного немецкого языка: Дис. ... докт. филол. наук*. — М., 2002. — 365 с.

15. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. — М.: Флинта, 2012. — 322 с.
16. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 110–132.
17. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. — 830 p.
18. Leech G.N. *A Linguistic Guide to English Poetry*. — London, New York: Longman, 1969. — 237 p.
19. Wales K. *A Dictionary of Stylistics*. — 2nd ed. — London: Longman, 2001. — 429 p.

References

1. Anderson Dzh. *Kognitivnaja psihologija* (Cognitive Stylistics), 5th edition, Saint Petersburg: Piter, 2002, 496 p.
2. Apresjan Ju.D. *Res Philologica: Filologicheskie issledovanija. Pamjati akademika G.V. Stepanova (1919–1986)* (Res Philologica: Philological Investigations. In memory of academician G.V. Stepanov), Moscow, Leningrad: Nauka, 1990, pp. 50–71.
3. Arutjunova N. D. *Voprosy jazykoznanija*, 1987, No. 3, pp. 3–19.
4. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* (Language and Man's World), Moscow: Jazyki russoj kul'tury, 1999, 896 p.
5. Ashurova D.U. *Prepodavanie jazyka i literatury* (Teaching Language and Literature), Tashkent, 1997, No. 1, pp. 46–50.
6. Ashurova D.U. *Filologija masalalari* (Problems of Philology), Tashkent, 2003, No. 1, pp. 41 – 45.
7. Begmatov Je., Mamatov A. *Adabij norma nazariyasi. III qism. Adabij normaning shakllanish va jashash qonunijatlari*. (Literary Norm Theory. Part 3. Formulation of Literary Norm and Rules of Life), Tashkent: UzR Fanlar Akademijasi Tilshunoslik instituti, 1999, 140 p.
8. Debrenn M. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty mezhjazykovo deviatologii* (Theoretical and Applied Aspects of Interlingual Deviatology), Doctor's thesis, Novosibirsk, 2006, 375 p.
9. Kobozeva I. M. *Logicheskij analiz jazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* (The Logical Analysis of Language: Inconsistency and Abnormality of Texts), Moscow, Nauka, 1990, pp. 194–203.
10. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaja semantika: Uchebnik*. (Linguistic Semantics: Textbook), Moscow: KomKniga, 2007, 352 p.
11. Kobozeva I. M., Laufer N. I. *Logicheskij analiz jazyka: protivorechivost' i anomal'nost' teksta* (The Logical Analysis of Language: Inconsistency and Abnormality of Texts), Moscow: Nauka, 1990, pp. 125–139
12. Kozlova L.A. *Vestnik IGLU* (Bulletin of ISLU), 2012, No. 2 (18), p. 121–128.
13. Nesterova N.M., Naugol'nyh E.A. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, No. 2, pp. 460–472.
14. Nefedova L.A. *Javlenie deviacii v leksike sovremennogo nemeckogo jazyka: Dis. ... dokt. filol. nauk*. (The Phenomenon of Deviation in the Vocabulary of the Modern German Language), Doctor's thesis, Moscow, 2002, 365 p.
15. Radbil' T.B. *Jazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie* (Linguistic Anomalies in the Literary Text: Andrey Platonov and others), Moscow: Flinta, 2012, 322 p.
16. Jakobson R.O. *Teorija metafory* (Theory of Metaphor), Moscow: Progress, 1990, pp. 110–132.

-
17. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006, 830 p.
 18. Leech G.N. *A Linguistic Guide to English Poetry*, London, New York: Longman, 1969, 237 p.
 19. Wales K. *A Dictionary of Stylistics*, 2nd ed, London: Longman, 2001, 429 p